

Федон

В диалоге участвуют:

СОКРАТ

ЭХЕКРАТ из Флиунта, пифагореец

ФЕДОН из Элиды

АПОЛЛОДОР

КЕБЕТ, СИММИЙ – фиванцы, ученики
пифагорейца Филолая

КРИТОН – афинянин, друг и ученик Сократа

ПРИСТАВ КОЛЛЕГИИ ОДИННАДЦАТИ СУДЕЙ

Эхекрат. Сам-то ты, Федон, был у Сократа в тот день, когда он в темнице выпил яд, или слышал об этом от кого другого? 57

Федон. Я там был сам, Эхекрат¹.

Эхекрат. Что же говорил этот человек перед смертью? И как скончался? С удовольствием послушал бы. Вот уже давно и никто из флиунтян не переселялся в Афины, а из Афин с тех пор не приезжал ни один гость, который мог бы нам рассказать об этом ясно, — по крайней мере, более того, что Сократ выпил яд и умер; о прочем же ничего не говорят. В

Федон. Так вы не знаете и о том, как происходил над ним суд? 58

Эхекрат. Да, нам кто-то сказывал, и мы еще удивлялись, что он умер, кажется, спустя много времени по окончании суда. Отчего это было, Федон?

Федон. Это зависело от случая, Эхекрат. Случилось, что накануне осуждения увенчана была корма корабля, который афиняне отправляют на Делос.

Эхекрат. А что это за корабль?

Федон. Это, по словам афинян, тот корабль, на котором Тесей, привезши некогда на Крит известных четырнадцать человек, и их спас, и сам спасся. Рассказывают, будто афиня- В

¹ Действие этого диалога происходит примерно через месяц после смерти Сократа. Федон, родом из Элиды, будущий основатель элидоэретрейской школы, некогда был при помощи заметившего его способности Сократа выкуплен из рабства, после чего вошел в число ближайших учеников последнего.

не в это время дали обет Аполлону, что они будут ежегодно отправлять в Делос священное посольство, если спутники Тесея спасутся¹. Такое-то посольство они всегда и отправляли, да и ныне еще ежегодно отправляют. Когда же наступит этот праздник, по их закону, город соблюдается чистым и публичных смертных казней не совершается, пока корабль не достигнет Делоса и не приплывет обратно. Иногда, если путешественников задерживают встречные ветры, это плавание совершается долгое время. Праздник начинается, как только жрец Аполлона увенчивает корму корабля, что случилось, как я сказал, накануне осуждения. Поэтому в темнице промежуток между осуждением и смертью был для Сократа продолжителен.

Эхекрат. Так что же скажешь ты о самой смерти его, Федон? Что было говорено и сделано? Кто из близких людей находился при этом человеке? Или властители не позволяли приходить к нему и он умер, не видя друзей?

Федон. О нет, с ним были некоторые, даже многие.

Эхекрат. Постарайся же рассказать нам обо всем сколь возможно подробно, если ничто не отвлекает тебя.

Федон. Сейчас я свободен и расскажу вам тем охотнее, что и для меня нет ничего приятнее, как вспоминать о Сократе, сам ли говорю о нем или слушаю другого.

Эхекрат. Да и в слушателях своих, Федон, ты найдешь людей, подобных тебе, так постарайся же объяснить нам все насколько можешь обстоятельнее.

Федон. Находясь у Сократа, я испытал что-то удивительное. Во мне даже не пробуждалось и сожаления о друге, в то время как он был столь близок к смерти. Он казался мне, Эхекрат, блаженным — и по состоянию его духа, и по словам; он умирал столь бестрепетно и великодушно, что самое его нисхождение в преисподнюю, думал я, совершается не без божественного удела, что и там он будет счастливее, нежели

¹ Обычай афинян регулярно отправлять в Делос священное посольство основывался на предании о победе знаменитого афинского героя Тесея над Минотавром, пожиравшим в Критском лабиринте ежегодно посылаемых туда афинских юношей и девушек — дань, которую Афины платили критскому царю Миносу.

кто-либо другой. Все это происходило потому, что во мне не пробуждалось ни особенного сожаления, какому следовало бы быть при тогдашней беде. Однако не пробуждалось во мне и удовольствия — оттого, что мы, по обыкновению, философствовали, а разговор был и в самом деле философский. Напротив, живо представляя, что Сократ скоро должен умереть, я питал какое-то странное чувство, какую-то необыкновенную смесь удовольствия и скорби. Да и все присутствовавшие были почти в таком же расположении духа: то смеялись, то плакали, особенно один из нас, Аполлодор. Ты знаешь, может быть, этого человека и нрав его¹.

Эхекрат. Как не знать.

Федон. Так вот, он находился точно в таком состоянии духа; да и сам я был возмущен, и другие.

Эхекрат. А кто тогда находился при нем, Федон?

Федон. Из соотечественников пришли наш Аполлодор, Критобул и отец его Критон², а также Гермоген, Эпиген, Эсхин³ и Антисфен⁴; пришли еще Ктисипп⁵ Пэанский, Менексен⁶

¹ И Платон, и его современники описывают *Аполлодора* как человека очень преданного Сократу и отличавшегося особенно живостью. Поэтому он быстро переходил от радости к печали и обратно и нисколько не показывал мужского, за что в одном месте платоновского «Пира» он получил прозвище «одержимого» (см.: 173 D). Элиан забавно рассказывает, что Аполлодор принес в темницу прекрасное платье, чтобы Сократ умер не иначе как в красивой одежде (см.: Пестрые рассказы. 1 16). (*Прим. переводчика.*)

² *Критон*, именем которого назван один из диалогов Платона, имел четырех сыновей: Критобула, Гермогена, Эпигена и Ктисиппа. См. о нем: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. XI, 121. Однако упоминаемый здесь Гермоген, кажется, был сыном Гиппоника, брата Каллиаса. Присутствовавший здесь Эпиген был не сыном Критона, а, без сомнения, то лицо, о котором упомянуто в Апологии Сократа (см.: 33 E). (*Прим. переводчика.*)

³ Имеется в виду *Эсхин Колбасник*, пожалуй самый преданный друг Сократа, записавший множество его бесед, однако не создавший собственной школы.

⁴ Речь идет об *Антисфене*, основателе школы киников, по легендарным свидетельствам организовавшем через некоторое время судебное преследование Анита и Мелета, обвинителей Сократа.

⁵ О *Ктисиппе* Пэанском — см., например: Платон. Евтидем 273 A.

⁶ Именем *Менексена* назван один из диалогов Платона. Там он представлен учеником софистов, подобно Алкивиаду стремящимся к политической славе.

и другие соотечественники; а Платон, кажется, был нездоров¹.

С *Эхекрат*. Были и какие-нибудь иностранцы?

Федон. Да, фиванец Симмий, Кебет и Федонд², а также Эвклид из Мегары и Терпсион³.

Эхекрат. А были ли Аристипп и Клеомброт⁴?

Федон. Нет, рассказывали, что они находились в Эгине.

Эхекрат. Кто же был еще?

Федон. Кажется, только эти лица.

Эхекрат. Так что же? О чем говорили?

Федон. Я постараюсь пересказать тебе все с начала. Мы
D и в предшествующие дни имели обыкновение приходить к Сократу, предварительно собравшись в том месте, где происходил суд, так как оно было близ темницы. Здесь, разговаривая между собою, мы каждый раз ожидали, пока отпрут темницу, ибо отпирали ее не рано; когда же она бывала отперта, входили к Сократу и по большей части проводили с ним целый день. Но в последний раз собрались мы гораздо ранее, потому что, выходя из темницы вечером накануне того дня, узнали, что корабль уже возвратился из Делоса, и дали друг другу обеща-
E ние сойтись в известном месте как можно ранее. Пришли; но сторож, обыкновенно отворявший нам дверь, вышел и сказал, чтобы мы подождали и не входили, пока Сократ сам не позовет нас, потому что теперь, прибавил он, одиннадцать судей⁵ снимают с него оковы и объявляют, какой смертью в этот день он должен умереть. Спустя некоторое время сторож вышел

¹ Видимо, Платон маскирует этой фразой факт своего отъезда из Афин после суда над Сократом.

² *Симмий* и *Кебет* — ученики Филолая, преданнейшие друзья Сократа. Именем Кебета подписано одно эллинистическое сочинение. О *Федонде* мы сведений не имеем.

³ Это тот самый *Эвклид*, который впоследствии основал Мегарскую школу, называвшуюся также эристической или диалектической (подобно школе Федона). *Терпсион* представлен в «Теэтете» читающим разговор Сократа с Теэтетом. (*Прим. переводчика.*)

⁴ Основатель школы киренаиков. Об амбракийце *Клеомброте* говорят, что, прочитав Платонов «Федон», он бросился в море. (*Прим. переводчика.*)

⁵ Имеется в виду коллегия ежегодно избиравшихся одиннадцати судей, надзиравших в Афинах за тюрьмами и исполнением приговоров.

вновь и приказал нам войти. Входим и видим Сократа только что освобожденным от оков; подле него сидит Ксантиппа (ты, конечно, знаешь ее) и держит дитя. Как только она увидела нас, тотчас подняла вопль и начала говорить все, что говорят женщины, например: «О Сократ! Вот друзья твои с тобою и ты с друзьями — беседуете уже в последний раз...» Но Сократ, взглянув на Критона, сказал:

— Критон! Пусть кто-нибудь отведет ее домой.

Тогда некоторые из Критоновых слуг повели ее, а она кричала и била себя в грудь.

Между тем Сократ, приподнявшись на скамье, подогнул ногу, стал потирать ее рукою и, потирая, сказал:

— Друзья! Как странным кажется мне то, что люди называют приятным! В какой удивительной связи находится оно со скорбью, хотя последняя, по-видимому, противоположна первому! Взятые вместе, они не уживаются в человеке; но кто ищет и достигает одного, тот почти вынуждается всегда получать и другое, как будто эти две противоположности соединены в одной вершине. Если бы такая мысль, продолжал Сократ, представилась Эзопу, то он, кажется, сложил бы басню, что бог, желая примирить столь враждебные противоположности, но не сумев это сделать, соединил их вершины, следовательно, кому досталась одна из них, тот за нею получает и другую. Вот так и сам я — от оков прежде чувствовал в своей ноге боль, а теперь за болью, кажется, следует что-то приятное.

— Клянусь Зевсом, Сократ, — подхватил Кебет, — ты хорошо сделал, что напомнил мне. Меня уже спрашивали и другие, а недавно и Евен¹ о тех стихотворениях, которые ты написал, перелагая рассказы Эзопа, и о гимне Аполлону: что бы это вздумалось тебе писать стихи, пришедши сюда, между тем как прежде ты никогда и ничего не писал?² Если, по твоему мнению, мне надобно отвечать Евену, когда он опять спросит меня (а я наверняка знаю, что спросит), то скажи, каков должен быть мой ответ.

¹ *Евен* — поэт, писавший элегии.

² К сожалению, стихов Сократа до нас не дошло.

— Отвечай ему правду, Кебет, что я написал это, не думая
Е быть соперником ни ему, ни его творениям, ибо знал, что та-
кое соперничество нелегко, но желая испытать значение не-
которых снов и успокоить совесть, — не мусическим ли искус-
ством нередко они повелевали заниматься? Дело вот в чем.
В продолжение моей жизни нередко повторялся у меня сон,
который, являясь в разных видах, говорил всегда одно и то
же: «Сократ! Твори и трудись на поприще Муз!» И я в преж-
нее время всем занимался в той мысли, что к этому распола-
61 гает и призывает меня сновидение. Как на скороходов имеют
влияние зрители, так и на меня, в моей работе, это сновиде-
ние, повелевавшее заниматься мусическим искусством; ибо
философия, думал я, есть величайшее мусическое искусство
и ею должен я заниматься. Но потом, когда суд был окончен,
а божий праздник препятствовал мне умереть, я подумал: ну
что, если сон многократно возбуждал меня трудиться над на-
родным видом мусического искусства? Ведь надобно трудиться,
а не отвергать внушения, потому что безопаснее умереть,
когда, повинувшись сновидению, успокоишь совесть через сочи-
нение стихотворений. Поэтому сначала я написал гимн богу,
В которому тогда приносима была жертва¹, а после бога, рассу-
див, что поэту, если он хочет быть поэтом, надобно излагать
не рассказы, а мифы², и не находя в себе способности вымыш-
лять, я переложил в стихи первые попавшиеся мне из тех ба-
сен Эзопа, которые были у меня под рукою и в памяти. Так
вот что отвечай Евену, Кебет: да пусть он будет здоров и, если
рассуждает здраво, пусть скорее бежит за мною. Я, как видно,
отхожу сегодня: такова воля афинян.

С Но Симмий сказал:

— Что ты это, Сократ, советуешь Евену? Ведь я уже много
разговаривал с ним, и, насколько понимаю, он охотно никак
не слушает тебя.

¹ По Диогену Лаэртскому, этот гимн начинался так: «Слава тебе, Аполлон Делийский, с сестрой Артемидой!»

² Здесь дело даже не в характере поэтического творчества, а в самом поэтическом жанре. Ритмизированная поэтическая речь, согласно античным представлениям, соответствовала изложению священного предания, то есть мифа, в отличие от научной прозы — «истории».

— Почему же, — возразил Сократ, — разве Евен не философ?¹
— Кажется, философ, — отвечал Симмий.
— Следовательно, и Евен захочет, и всякий достойно принимающий участие в этом деле. Конечно, он, может быть, не наложит на себя рук, ибо это, говорят, незаконно.

Тут Сократ спустил ноги со скамьи на пол и, сидя в таком D
положении, продолжал беседовать. Кебет спросил его:

— Ты говоришь, Сократ, что наложить на себя руки незаконно, а между тем философу можно желать следовать за умирающим?

— Так что же, Кебет? Разве ты и Симмий не слышали об этом от Филолая², когда общались с ним?

— По крайней мере ничего ясного, Сократ.

— Впрочем, и я знаю только понаслышке; однако ж, что слышал, того не скрою. Да человеку, собирающемуся перейти в другую жизнь, и весьма прилично, наверное, выдумывать и толковать о ней и о том, какова она будет. Да и стоит ли делать что-нибудь иное сегодня, коротая время до захода солнца? E

— Так почему же говорят, Сократ, что лишать жизни самого себя незаконно? Теперешнее твое суждение я уже слышал и от Филолая, когда он жил у нас; знаю и от других, что делать этого не надобно, но ясно ни от кого и никогда не слыживал.

62

— Должно сильнее желать, — сказал Сократ, — тогда, глядишь, и услышишь. Может быть, для тебя покажется удивительным, что это одно из всего безусловно справедливо и что не случается, как в прочих делах, чтобы только иным людям и только иногда было лучше умереть, нежели жить, а другим другое. Если же человеку лучше³ умереть, то ты, вероятно,

¹ Евен объявлял себя софистом и брал за уроки с учеников по пяти мин. См.: Ксенофонт. Апология Сократа 4.

² *Филолай*, родом кротонец, ученик Архита, знаменитый философ пифагорейской школы, жил некоторое время в Фивах, где преподавал свое учение. Здесь среди прочих его слушателями были Симмий и Кебет.

³ Скрывающаяся в этих словах мысль Сократа может быть выражена следующим силлогизмом: все люди желают себе самого лучшего (эта посылка Сократом опущена); но самое лучшее для людей есть посмертная жизнь; следовательно, всем людям лучше желать умереть. (*Прим. переводчика.*)

удивишься, почему бы он поступил нечестиво, благодетельствуя самому себе, и зачем бы ему ожидать другого благодетеля.

Тут Кебет, слегка улыбнувшись, сказал:

— Зевс знает, что он говорит!

В Конечно, с первого взгляда это может показаться бессмыслицей, — заметил Сократ, — однако же в моих словах есть некоторый смысл. Изречение, содержащееся в сокровенном учении¹, что мы, люди, живем в какой-то темнице, а потому сами собою не должны освобождаться из нее и уходить, мне представляется слишком высоким и трудным для рассмотрения; но то, Кебет, по моему мнению, хорошо сказано, что боги суть наши попечители, а мы — одно из их достояний. Или ты не так думаешь, Кебет?

С — Так, — отвечал он.

— Но если бы какое-нибудь из твоих достояний, — продолжал Сократ, — захотело умертвить само себя, независимо от твоего разрешения на эту смерть, то не прогневался ли бы ты на него и не подверг ли бы его наказанию, какому можешь?

— Конечно, — отвечал он.

— Значит, благоразумие требует умерщвлять себя не прежде, чем тогда, когда бог пошлет необходимость, в какую теперь поставлены мы.

— Правда, что так, — сказал Кебет, — но кажется странным то твое положение, Сократ, будто философам легко желать смерти, особенно когда мы одобрили мнение, что бог есть наш попечитель, а мы его достояние. Люди мудрейшие не имеют причины не скорбеть, оставляя такое служение, к которому они призваны самыми добрыми распорядителями вещей — богами; ибо не думают ведь они наверняка, что, став свободными, лучше позаботятся о самих себе. Глупый, может быть, и возразит, что надобно бежать от господина, так как не умеет понять, что от доброго бежать никак не должно, а должно тем более оставаться с ним и что побег был бы делом безумным; но мудрому, кажется, естественно желать всегда быть с тем, кто лучше его. Так-то, Сократ; мне представляется противное тому, что сейчас говорил ты: людям мудрым при смерти при-

¹ Под сокровенным учением здесь подразумевается пифагореизм.

лично скорбеть, а радоваться в этом случае свойственно лишь глупым.

Выслушав это, Сократ, казалось, был доволен способностью Кебета к исследованию и, взглянув на нас, сказал:

— Кебет непременно всегда испытывает мысль и с первого раза никак не верит тому, что ему говорят.

63

— Да и точно, Сократ, — подхватил Симмий, — мне самому думается, что Кебет, по крайней мере теперь, говорит дело; ибо с какой целью люди мудрые могли бы бежать от господ, действительно лучших, нежели они сами, и легкомысленно оставлять их? Его речь, по-видимому, направлена против тебя, так как ты столь равнодушно оставляешь и нас и богов, которых сам же считаешь добрыми властителями.

В

— Вы правы, — сказал Сократ, — я вижу цель ваших слов: вам хочется, чтобы я защищался против этого обвинения, как в суде¹.

— Совершенно так, — отвечал Симмий.

— Хорошо, — продолжал Сократ, — постараюсь оправдаться перед вами успешнее, чем перед судьями. Если бы я не думал, Симмий и Кебет, что, во-первых, пойду к иным мудрым и благим богам, во-вторых, к умершим людям, лучшим, нежели эти, то был бы виноват, не скорбя при смерти. Но теперь — знайте, я надеюсь увидеться с добрыми людьми, хотя не смею утверждать это слишком решительно; а что представлю перед добрыми владыками, богами, — это, поверьте, могу доказать столь же решительно, как что-либо другое. Потому-то и не скорблю, а надеюсь, что умершие существуют и что добрым из них, как издревле говорится, гораздо лучше, нежели злым.

С

— Так что же, Сократ, — сказал Симмий, — питаю в уме такую мысль, ужели ты отойдешь, не передав ее нам? Ведь в этом благе, думаю, мы все должны иметь свою долю. Притом вот тебе и оправдание, если убедишь нас в истине своих слов.

D

¹ Вся дальнейшая структура диалога представляет собой своего рода судебское разбирательство, пародирующее суд над Сократом. Впрочем, помимо пародии здесь присутствует и иной, мистериальный смысл: люди, присутствующие при казни Сократа, выступают одновременно и аналогами судей загробного мира.

— Хорошо, постараюсь, — отвечал Сократ. — Но прежде посмотрим, что такое давно уже, кажется, хочет сказать мне Критон.

— Сказать нечего, Сократ, кроме того, что человек, собирающийся принять яд, беспрестанно твердит мне, чтобы ты как можно менее разговаривал, потому что разговаривающие, по его словам, слишком разгорячаются, а перед принятием яда этого быть не должно: в противном случае иногда бывает
Е нужно повторять прием два и три раза.

— Оставь его, — сказал Сократ, — пусть только готовит свое, чтобы дать мне яд — и дважды, а если потребуется, и трижды.

— Я так и думал, — отвечал Критон, — да он непрестанно докучает мне.

— Оставь его, — сказал Сократ. — Теперь я хочу дать отчет вам, моим судьям, что человек, искренне посвящающий свою жизнь философии, встретит смерть, как мне кажется, мужественно и с надеждой по кончине, за гробом, получить величайшие блага. А как это и почему так будет, Симмий и Кебет, постараюсь высказать. Для иных, должно быть, не заметно, что люди, истинно преданные философии, ничего другого не имеют в виду, как только умирать и умереть. Но если это на самом деле так, то какая же странность — желать этого весь век и скорбеть по достижении той цели, к которой давно стремились и готовились!

Тут Симмий улыбнулся и сказал:

— Клянусь Зевсом, Сократ, ты заставляешь меня смеяться, хотя теперь я вовсе не расположен к смеху. Если бы слышала тебя толпа, то мнение твое о философах показалось бы ей, думаю, очень хорошим и все, по крайней мере у нас, похвалили бы ту мысль, что истинные философы желают умереть, потому что и сами они признают их достойными такого жребия.
В

— Да и справедливо похвалили бы, Симмий, если бы понимали свою похвалу; но они не знают, умрут ли истинные философы, достойны ли они смерти и какой именно достойны смерти. Оставим пока толпу, — продолжал Сократ, — и будем рассуждать между собою. Почитаем ли мы что-нибудь
С смертью?

— Конечно, — сказал Симмий.

— Не есть ли она отрешение души от тела? Умереть — не то ли значит, что и тело, отрешенное от души, существует особо, само по себе, и душа, отрешившаяся от тела, существует сама по себе? Иное ли что-нибудь, или это называется смертью?

— Это, а не иное, — отвечал он.

— Смотри же, друг, не то ли покажется и тебе то же, что и мне: ведь отсюда-то мы в особенности разберем предмет своего исследования. Думаешь ли ты, что философу свойственно заботиться о тех так называемых удовольствиях, которые состоят в пище и питье? D

— Всего менее, Сократ, — отвечал Симмий.

— Ну а об удовольствиях любви?

— Отнюдь нет.

— Что еще? Думаешь ли, что такой человек считает уважительным всякую другую заботу, относящуюся к телу? Например, ценит он или не ценит приобретение отличной одежды, обуви и иных украшений тела, когда нет большой необходимости приобрести их? E

— Истинный философ, кажется, не ценит этого, — сказал Симмий.

— Следовательно, тебе вообще кажется, — продолжал Сократ, — что его деятельность направлена не к телу, что он, сколь возможно, удаляется от него и обращается к душе?

— Кажется.

— Значит, философа можно узнать прежде всего по тому, что он-то особенно, более чем прочие люди, устраняет душу от сообщения с телом. 65

— По-видимому, так.

— А ведь многим, Симмий, вероятно, представляется, что без подобных приятностей и без участия в них не стоит жить, что не заботящийся об удовольствиях, относящихся к телу, живет близ смерти.

— Ты говоришь очень справедливо.

— Но что думать о приобретении самого разума? Препятствует или нет этому предприятию тело, когда кто-либо берет его в соучастники такого приобретения? Я хочу спро- B

силь: представляют ли зрение и слух людям какую-нибудь истину, как беспрестанно щебечут нам об этом те же поэты? Или мы не слышим и не видим ничего определенного? Если же эти чувства неверны и неясны, то прочие и того менее, ибо все они, конечно, хуже этих. Или тебе так не кажется?

— Без сомнения, так, — отвечал он.

— Итак, когда же душа касается истины? — спросил Сократ. — Намереваясь вместе с телом исследовать что-нибудь, она, очевидно, бывает им обманываема.

— Твоя правда.

С — Следовательно, ничем, кроме мышления, не открывается ей ничего существенного?

— Да.

— Но мыслит она лучше, вероятно, тогда, когда ничто не беспокоится — ни слух, ни зрение, ни печаль, ни удовольствие, когда, оставив тело и, сколько возможно, удалившись от общения с ним, она бывает совершенно одна, сама по себе, и стремится к сущему¹.

— Так.

Д — Значит, здесь душа философа вовсе не ценит тела и, убегая от него, старается быть сама собой?

— Думаю.

— А что скажешь на следующие вопросы, Симмий? Называем ли мы что-нибудь справедливым или не называем?

— Называем, клянусь Зевсом.

— Равным образом — хорошим и добрым?

— Как же иначе?

— Но такие вещи видел ли ты когда-нибудь глазами?

— Вовсе нет, — отвечал он.

— А касался ли их каким-нибудь другим ощущением тела (я имею в виду все подобное, а именно величину, здоровье, силу — одним словом, сущность всего, то есть то, что представляет сам по себе каждый из этих предметов)? Телом ли созерцается истинная сторона их, или бывает так, что тот, кто

Е

¹ Эту и ряд следующих ниже фраз Сократа можно расценивать не только как моральное противопоставление души телу, но и как указание на медитативные состояния, которых требует восхищение к подлинному сущему.

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕДОН. <i>Перевод В. Карпова</i>	5
ПИР. <i>Перевод В. Карпова</i>	89
ФЕДР. <i>Перевод В. Карпова</i>	153
ГОСУДАРСТВО. <i>Перевод А. Егунова</i>	
Книга первая	227
Книга вторая	269
Книга третья	309
Книга четвертая	358
Книга пятая	398
Книга шестая	446
Книга седьмая	486
Книга восьмая	523
Книга девятая	562
Книга десятая	596
Список сокращений («Государство»).....	635

Платон

П 37 Малое собрание сочинений / Платон ; пер. с др.-греч. А. Егунова, В. Карпова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 640 с.

ISBN 978-5-389-21866-6

Платон — великий древнегреческий философ, идеи которого оказали огромное влияние на формирование человеческого духа и культуры человеческой мысли последующих столетий. Именно с него, ученика Сократа и учителя Аристотеля, начинается формирование строгого научного мышления. В настоящем издании читателю предлагаются избранные диалоги: «Федон», «Пир», «Федр» и «Государство». В первых трех диалогах затрагивается несколько больших тем: природа философского знания, этическая доктрина в связи с доказательствами бессмертия души и любовь как сила, обращающая личность к познанию и делающая ее богоподобной. В знаменитом «Государстве» философ определяет понятие справедливости, а также рассматривает шесть форм государственного правления — монархию, аристократию, тимократию, олигархию, демократию и тиранию — и дает описание идеального государства, которое управляется философами, «так как только мудрые могут нести заботу о правильном образе жизни всех граждан».

УДК 11
ББК 87.3(0)

Литературно-художественное издание

ПЛАТОН
МАЛОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Маргарита Ахметова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.09.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AMS-30824-01-R